

Мария Адамчук

БЕРЕГ ДЕТСТВА

Истории о том, как мы жили когда-то

Мария Адамчук

**Берег детства. Истории
о том, как мы жили когда-то**

«Издательские решения»

Адамчук М.

Берег детства. Истории о том, как мы жили когда-то /
М. Адамчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936539-2

Книга о том, как три ученика младшей школы проводили лето в палаточном лагере в лесу, катались на водных лыжах, пели песни у костра, падали с деревьев, искали клады, крали огурцы, дружили с котами и собаками, и очень не хотели, чтобы наступало 1 сентября.

ISBN 978-5-44-936539-2

© Адамчук М.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Берег детства

Истории о том, как мы жили когда-то

Мария Адамчук

Художник Елена Озерова

Редактор Марина Зубакова

© Мария Адамчук, 2018

ISBN 978-5-4493-6539-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Мария, что ты опять пялишься в это окно? Что ты там изучаешь? Наверное, что-то интересное? Ну давай, расскажи, нам всем очень любопытно, не правда ли, дети?

Я вздыхаю и неохотно возвращаюсь мыслями в класс. Господи, Нина Петровна, как же вы мне надоели-то с вашим сарказмом. Было бы чего там изучать, в этом окне, ей-богу. Десять лет мне уже. Десять! И три года из них я пялюсь в осточертевшее окно, на чахлую сиреньку за ним, на очертания унылой пятиэтажки, которую сиренька тщетно пытается прикрыть собой. Весной у нее это даже немного получается – бедный кустик, поднатужившись, производит на свет несколько листочков и десяток блеклых цветков. Пять лепестков там даже не пытайтесь найти, я пробовала – бесполезно, счастья нет...

И еще это дурацкое «Мария»! Да, у Нины Петровны такая привычка, она всех нас, третьеклашек, называет полным именем. Даже Венечку. Венечка – вечно ноющий, ябедничающий, плачущий, в любое время года развешивающий на своем носу сопли бахромой... Так вот, этот Венечка, представляете, у нее получается Вениамин. Оборжаться. Вениамин! Ну а я – Мария. Хотя какая из меня Мария. Так, Маня всего лишь. В лучшем случае.

Я большая уже, мне десять лет, я говорила вам? Самостоятельная вполне, кстати. Однажды папа дал мне два рубля, велел купить колбасы. Любительской, с кружочками жира, вдавленными в серо-розовую мокрую мякоть. Бррр, ненавижу! Такую даже болгарский томатный соус в бутылочке с красной крышкой не спасет, а он, как известно, может спасти какое угодно блюдо. Но делать нечего, раз папа сказал – надо идти и покупать. В общем, пошла я в магазин, но до него не добралась. На моем пути вдруг обнаружилась внушительная очередь. Ее начало терялось где-то в невообразимой дали, и было совершенно невозможно определить, за чем эта очередь змеится. Но если все стоят – значит, это кому-нибудь нужно, решила я и встала тоже.

Прошло минут двадцать и наконец выяснилось, что стоим мы все за клубникой. Я обрадовалась, поскольку клубника – это вам не какая-нибудь колбаса, это хороший продукт, полезный и красивый, к тому же у меня есть три рубля, и приобретение клубники на все деньги будет выгодным и правильным решением. Купила в итоге пять килограммов. Родители уже вышли с фонарями меня разыскивать, а я тут как тут. И клубнику несу. Ели всей семьей, пока крапивницей нас не засыпало по самые уши. Но съели же? Значит, я добытчик? О том и речь.

Ладно, вернемся к Нине Петровне. И к природоведению. И к сиреньке за окном. О чем я, говорите, думаю? А на календарь взгляните! Там черным по белому написано – 23 мая. А значит, через неделю вся эта тоска закончится и начнется настоящая жизнь.

Жизнь для меня – это лето. Обычно я провожу его в палаточном лагере на берегу одного подмосковного водохранилища. Моя мама работает в каком-то, как она выражается, «ящике». Хотя я была у нее на работе – никакой это и не ящик, обычное здание, миллион комнат, в каждой сидит по сто человек и чертят параболическую антенну (не спрашивайте, я понятия не имею, что это такое). Но антенна меня не волнует. Важно другое: этот их «ящик», для того чтобы сотрудникам и членам их семей хорошо отдохнуло летом, взял на свой баланс в незапамятные времена кусок земли – полянку, обрамленную лесом – на берегу водохранилища. Закупил шесть лодок и пару катеров, два виндсерфинга, несколько пар водных лыж и сказал: «Отдыхайте, ибо кто хорошо отдыхает, тот потом весело и задорно чертит параболическую антенну на радость врагам мирового империализма».

Не знаю, как там с антенной, но летний отдых в лесу сотрудники полюбили всем сердцем. Построили на отведенном участке земли столовую, кухню с печкой, достали где-то по большому благу пять огромных армейских палаток, в каждую из которых легко входило на постой

по двадцать человек, сделали пирс, привязали к нему катера и лодки, назвали все это «Водно-спортивная база «Волна» и зажили полной и насыщенной летней жизнью.

Я там родилась. Ну, то есть не совсем там, конечно. Родилась я в роддоме. Но когда начала хоть что-то соображать, ходить и говорить – я уже была там. Поэтому никакой другой жизни, кроме водной базы, я себе не представляю. И вот сейчас пялюсь в окно на угол пятиэтажки, а мыслями там. В лесу. И отстаньте от меня уже, Нина Петровна, с вашим природоведением.

С трудом досидев до конца уроков, я вырываюсь за пределы школы и несусь домой. Иду сквозь свой родной двор, представляющий собой круглый пупырь земли, утоптанной до консистенции бетона, зажатый со всех сторон пятиэтажными домами. На этом пупыре растет одинокий тополь, под ним – песочница, изгаженная кошками. Рядом – ржавые качели, под которыми в пыли дерутся два пацана, стараясь с помощью грубой силы выяснить, кому в этот раз качаться первым. Через неделю в это время я уже буду, навьюченная огромным рюкзаком, трястись в электричке, привычно считая, сколько остановок до конца маршрута, потом пройду два километра по обочине шоссе, через поле, через перелесок, вдыхая запах близкой воды. Через неделю наконец-то начнется настоящая жизнь!

2

«Следующая станция – «Трудовая», – гнусит машинист электрички, и для меня это лучшие звуки во вселенной. Слезайте, граждане, приехали, конец. Конец нашим мучениям, урокам, пыльным улицам, стояниям в очередях за батонами по 17 копеек и за молоком. Конец затхлым подъездам и малюсеньким квартиркам, окнами выходящим на бетонный забор. Наконец-то мы в лесу. Мы дома.

Мы – это целая толпа разнокалиберных взрослых от восемнадцати до шестидесяти лет. И трое детей. Я, Леночка и Лёнька. Со мной вы уже более-менее знакомы. Мои друзья тоже, как и я, родились здесь, мы знаем друг друга с рождения, вместе прошли огонь и воду, и не по одному разу, даже не сомневайтесь. Мы всех знаем, все умеем, плаваем, как рыбы, лазаем по деревьям, как маргитки, ориентируемся в лесу, как мыши, слышим за километр, видим в темноте, можем не напрягаясь добыть себе воду из колодца и еду из закрытых на всякий замок шкафчиков с продуктами.

Леночка – девочка. Нет, ну то есть я тоже, конечно, девочка, но меня с ней даже сравнивать в этом отношении нельзя. Взрослые рассказывали: когда мы с ней были совсем крошечными – то есть уже ходили, но еще мало что соображали, – я затеяла игру, которую сама назвала «Черное море». Игра заключалась в следующем: я лежала пузом в том месте, где накануне полночи пылал костер, прямо в центре этого пепелища, и изображала заплыв в черном-черном море. Я зачерпывала золу руками, грудью как бы рассекала волны и даже нырять пыталась. Леночка принимала в игре живейшее участие – сидела на корточках на максимальном отдалении от плывущей меня (белые туфельки носочками строго на границе пепла и золы, ни на миллиметр не заступают в грязь) и аккуратненько одним пальчиком тыкала в черный уголек. На Леночке было белое платье и бант. На мне... Ну в общем, на мне была какая-то одежда, но после заплыва ни цвет ее, ни фасон определить уже никому не удалось.

С тех пор прошло много лет, но мы практически не изменились. Леночка по-прежнему состоит из больших наивных глаз, чистого тренировочного костюма и длинных локонов, которые сами собой укладываются в ровные колечки (даже после дня ожесточенных купаний в мутной коричневой воде нашего водохранилища). На ногах у нее кеды «два мяча» – где уж ее родители отхватили такой дефицит и почему позволяют ей носить его в лесу, леший знает. Впрочем, ей-то что? Она легко может пронести кеды три месяца, вырасти из них и передать по наследству младшему брату, а выглядеть они при этом будут как новые. То ли дело я, которая в прошлом году доносила свои кроссовки неизвестного производства до дыр и в августе уже подвязывала подошву веревкой – уж очень неудобно было бегать по лесу в обуви, столь откровенно просившей каши.

Я, в отличие от Леночки, состою из одежды неопределенного цвета и фасона, разряда «шоб не мялась», и волос, цветом и консистенцией напоминающих солону. Мама стригла и с завидным упорством продолжает стричь меня «под горшок». Знакома вам такая технология? Это когда на голову человеку надевается кастрюля и все, что из-под нее торчит, отчекрывается к чертям собачьим. В течение лета прическа периодически дорабатывается – ножницами по металлу отрезается от челки все, что лезет в глаза. Очень практичный подход. Расческу я теряю в начале июня и до августа о ней не вспоминаю.

Даже виды спорта, которыми мы занимаемся, – принципиально разные. Леночка – фигуристка. У нее юбочки, конёчки в цвет платья, «пистолетики», «фонарики» и прочие изящные девичьи упражнения. А у меня все ладони в кровавых мозолях, я кручу «солнце» на турнике и подтягиваюсь столько, что взрослые мужики рыдают от зависти, глядя на меня. А все потому, что я занимаюсь спортивной гимнастикой, а это спорт суровый и сантиментов не тер-

пит. В общем, несмотря на то что нет на свете людей, более непохожих друг на друга, мы дружим с рождения и останавливаться не собираемся.

Лёнька, в отличие от нас, мальчик. Но он бы, кстати, вообще не стал принимать участия в игре «Черное море». Сказал бы нам, что мы дуры и занимаемся ерундой, развернулся бы и ушел в гараж – слушать, как взрослые обсуждают, какой ремень порвался в моторе катера на этот раз. И мы бы не обиделись. Мы бы тоже спокойно сказали ему, что он дурак, мы вообще привыкли говорить друг другу правду.

Лёнька болтлив, любопытен и все время смеется. У Лёньки огромные черные глазищи. Наш любимый спор – какие глаза лучше: маленькие или большие. Поскольку у меня глаз немного, а когда я смеюсь, они и вовсе пропадают, я, естественно, бьюсь за то, что маленькие глаза куда удобнее. Лёнька категорически со мной не соглашается. Спор этот настолько давний, что мы уже устали его вести. Но с завидным постоянством затеваем. В итоге к сегодняшнему дню у нас осталось два самых веских аргумента. «Ты же не видишь ничего, как ты можешь жить вообще со своими щелочками?» – ржет Лёнька. «А зато тебе в твои широко раскрытые глазищи вечно какие-то комары и мухи залетают». Этот аргумент убивает Лёньку наповал. Что правда, то правда. Когда мы куда-нибудь быстро бежим, он тормозит весь процесс – ему постоянно надо останавливаться, чтобы вытащить из глаз какую-то флору и фауну.

3

Вообще считается, что все мы здесь собрались в первую очередь ради того, чтобы кататься на водных лыжах. Ну, в крайнем случае, на виндсерфингах, байдарках и каноэ. Правда, каноэ мы в лагере отродясь не видели, а для серфов нужен особый ветер – сильный, ровный и желателно теплый – словом, такой, которого в Подмосковье не бывает. Поэтому единственным вариантом водно-спортивного досуга оставались водные лыжи. Для воднолыжного спорта у нас были созданы все условия – собственно лыжи, фал (такая веревка, которая одним концом крепится к катеру, а другим – к воднолыжнику) и гидрокостюм на шесть размеров больше. Поскольку он был один, а нас трое, очень важную роль играл принцип «Кто первый встал – того и тапки». Самые сильные и горластые влезали в гидрокостюм первыми, когда он еще был теплый и сухой. Остальным он доставался с чужого плеча, мокрый и холодный. А, надо вам сказать, что нет ничего хуже, чем влезать собственным сухим и теплым тельцем в склизкий и противный гидрокостюм, в котором уже до вас кто-то катался.

Надо еще учесть, что нас, детей, гнали заниматься этим прекрасным видом спорта преимущественно в дождь и холод – потому что в такую погоду лезть в воду добровольно идиотов не было. А зато когда светило солнце и вода в нашем водохранилище прогревалась до нереальных двадцати пяти градусов, на пирсе стояла очередь из взрослых, мысленно воображавших себя не в подмосковном лесу, а где-то в Ницце. Им виделись бирюзовые волны, белые чайки, белозубые мотористы на серебристом катере (неважно, что наяву он был черно-синий), изысканные алкогольные коктейли и средиземноморская закуска (с последним совсем бедабыла, самое аппетитное, что могло быть предложено вашему вниманию в этом смысле, – сушки «Малютка»).

Но взрослых не смущала действительность: они хотели красиво отдыхать – и они отдыхали. Особенно страстно хотели красивого отдыха новенькие, приехавшие на нашу базу впервые. В основном это были девушки с длинными русалочьими волосами и восторженными глазами, воодушевленные обилием полуголых красавцев с идеальными торсами, играющих в волейбол, катающихся на лыжах и вечерами ревущих песни под аккомпанемент собственных гитар. Этого добра на базе было хоть отбавляй, поэтому новенькие девушки каждый год ломались к нам целыми партиями в надежде отыскать наконец-то своего принца на белом катере.

Приезжали во всеоружии, некоторые даже в туфлях на каблуках. Прямо на каблуках и в бикини топали на пирс и просили научить их кататься на лыжах. «Переоденьтесь», – советовали им красивые юноши. Дамы, желающие показать товар лицом, удивлялись: почему же надо непременно переодеваться, когда именно эти микроскопические купальнички на завязочках им так идут? Почему нельзя в таком виде прокатиться? «Потеряются», – угрюмо объяснял белозубый моторист. Девушки не верили. И тогда мы, к своим десяти годам повидавшие всякое, устраивались на пирсе поудобнее, чтобы наблюдать за развязкой драмы. Мы точно знали: если девушка, которая решила первый раз поехать на лыжах в бикини, упала и плещется в воде, никак не реагируя на протянутую руку моториста, желающего спасти ее и вытащить на борт катера, – таки да, купальник потерялся.

Но все это веселье обычно наблюдалось в сухую, ясную, теплую погоду. Все остальные состояния природы – дождь, ветер, тайфун, цунами и похолодание до десяти градусов выше нуля – означали, что наконец-то пришла наша очередь кататься. Именно в такую погоду в наших отцах просыпалось дикое желание сделать из нас мастеров спорта международного класса, и они, наряженные в массивные телогрейки и резиновые сапоги, стояли на пирсе, грозно глядя на нас, болтающихся в воде. Такая стратегия давала свои плоды. Встав на лыжи в пять лет, к десяти мы все уже имели спортивные разряды по разным воднолыжным дисциплинам, а также стойкое отвращение к девочке Маше Старцевой из фильма про Петрова

и Васечкина – ну потому что подумаешь, катается она там на лыжах, а все ей аплодируют, тоже мне, мы же лучше умеем, а про нас фильмы не снимают, эх, Маша, ладно-ладно!

4

Вторым по важности после спорта в нашей жизни был общественно-полезный труд. Для нашей же пользы. Поскольку доверить нам сложные вещи вроде готовки обеда на шестьдесят человек или доставки продуктов на базу никто не мог, мы несли посильное (вернее, совершенно непосильное, как нам казалось) бремя мытья посуды, покраски вонючей масляной краской лодок и скамеек, вычерпывания воды из катера, уборки территории и прочих дел, подходящих не слишком обремененным интеллектом небольшим гражданам.

Раньше вся посуда мылась на пирсе. Отвечали за помывку мы. И вроде как легко справлялись с этой почетной обязанностью. По крайней мере, взрослым так казалось. Правда, все чаще дежурные обнаруживали, что еду класть некуда – тарелки на кухне заканчивались уж больно стремительно. Однако ведь и народу приезжало с каждым днем все больше и больше. Где уж на всех тарелок-то напасть!

Но однажды тетя Таня прыгнула с пирса (зачем-то ей понадобилось оттуда непременно прыгнуть, а не спуститься чинно по лесенке, как это делали все взрослые). Спрыгнула и тут же с воплями выскочила обратно. Подняла ногу и продемонстрировала всем собравшимся вилку... торчащую из ее пятки. Так стало понятно, куда исчезает посуда. Взрослые, естественно, устроили расследование с допросом потерпевших и свидетелей. Потерпевшие очень ругались, свидетели пытались рассказать что-то такое, к делу совершенно не относящееся. Но так никто и не узнал о проводящемся весь июнь чемпионате по метанию вилок в уплывающие миски. Я, кстати, занимала в турнирной таблице этого чемпионата лидирующую позицию (об этом мы тоже скромно умолчали).

Правила изобретенного нами нового олимпийского вида спорта были максимально простые – ты швыряешь миску в воду так, чтобы она не утонула сразу, а поплыла, качаясь на волнах, и потом меткими бросками вилок подгоняешь свою миску вдаль, чтобы она опередила миску противника. Побеждает тот, кому удастся потопить или хотя бы обогнать чужую миску. Нет, вы не думайте, мы не совсем идиоты, мы же потом лезли в воду и доставали наш спортивный инвентарь со дна живым, невредимым и, кстати, уже чистым (вот, между прочим, еще одна причина, по которой нам был особенно дорог этот вид спорта – посуду мыть не было никакой необходимости). Но, как стало понятно после тети-таниного прыжка, спасти удалось не все, особенно пострадало поголовье вилок.

В общем, наши мамы, перевязав раненую тетю Таню, в три голоса запретили нам мыть посуду на пирсе, выдали каждому по большому тазу и велели отныне работать, не покидая кухни. Это была настоящая скукота. Чемпионат не устроишь, не искупаешься, стоишь себе мокрыми ногами на бетонном кухонном полу, уныло шваркаешь тряпкой в тазу. А посуды много – одних взрослых на базе проживало человек сорок, не говоря уже о нас. Но делать нечего. Мы приступили к помывке. Тазов три, нас трое. И тут мне пришла в голову гениальная мысль – разделить сферы влияния. «Давайте каждый выберет себе что-то одно, – предложила я. – К примеру, я возьму на себя непосильное бремя мытья стаканов. Ты, Леночка, отвечай за вилки, а Лёньке, так как он есть мужчина и джентльмен, доверим тарелки мыть». Распределились, начали. Три дня прошли, как в сказке, – слаженная работа, покой, благодать, мир и дружба. Но потом моя команда что-то подозревать начала. Стаканы из-под чая можно же просто сполоснуть в теплой воде – и свободен. А тарелки надо сначала отмыть с мылом, потом поменять воду в тазу и снова перемыть, тщательно прополоскав. Поэтому и получалось, что я через пятнадцать минут после начала трудовой вахты с чистой совестью уходила купаться, а мои мокрые и злые друзья появлялись на пирсе, когда солнце уже начинало валиться за лес.

И вот на четвертый день новой жизни вылезая я, накупавшись, из воды и вижу – топают по пирсу. Воинственные. Ноздри эдак раздуваются у них, и глаза подозрительно сузились.

«Знаешь что, Маня», – говорит Лёнька, медленно жуя травинку. И в его голосе чувствуется хорошо отрепетированный металл. «Знаешь, что! Подозреваем мы, что нечестно ты с нами поступаешь. Не уважаешь ты нас, Маня, работать заставляешь, сама легкой жизни себе ищешь, отлыниваешь». «Да!» – кивнула важно Леночка и рукав закатала характерным жестом (под рукавом перекатился шариком упругий, накачанный мытьем кастрюль бицепс). Я мгновенно пришла в бешенство. Что за люди такие! Я же все так хорошо придумала! «Окей, говорю, давайте переиграем. Раз вы такие нытики и слюнтяи и считаете, что стаканы мыть очень просто, – давайте! Вперед! Завтра я помою все, что есть на кухне, а вы вдвоем, два слабосильных дохляка, будете драить эти стаканы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.